

ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКА НАШЕГО ВРЕМЕНИ: ЕЁ ИСТОКИ, РЕЗУЛЬТАТЫ И ОРИЕНТИРЫ НА ПЕРСПЕКТИВУ¹

© 2020 г. В. М. Давыдов^{a,b,c}

^aИнститут Латинской Америки РАН, Москва, Россия

^bРоссийский университет дружбы народов, Москва, Россия

^cАссоциация исследователей ибероамериканского мира, Москва, Россия

E-mail: davydov@ilaran.ru

Поступила в редакцию 10.06.2020 г.

После доработки 17.06.2020 г.

Принята к публикации 03.09.2020 г.

Латиноамериканистика вступила в пору научной зрелости. Эта коннотация справедлива и для общемирового контекста, и для отечественной практики. Результаты очевидны: десятки тысяч книжных наименований в библиографии по латиноамериканской проблематике в общемировом зачёте, далеко за тысячу названий монографических изданий и тематических сборников, суммарно изданных в советский период и в наше время. Благодаря этому сегодня в многодисциплинарном “научном зеркале” регион предстаёт во всём многообразии и преимущественно в адекватном свете. Но вместе с тем необходимы и новые ориентиры для поиска ответов на множество сложных вопросов, которые ставит латиноамериканская практика в обстановке глобального перехода к иному режиму воспроизводства мировой экономики и международных отношений.

Ключевые слова: Латино-Карибская Америка, латиноамериканистика, ориентиры регионоведения.

DOI: 10.31857/S0869587320110055

Важным мотивом для серьёзного разговора о нынешнем состоянии нашей области знаний, о её истоках и традициях и, конечно же, о её основных результатах, а затем — по логической цепи — о тенденциях развития познания, которые предвосхищают интерпретацию того, что сулит будущее региона, является смена поколений в среде латиноамериканистов. Ведь научная молодёжь не может входить в профессию в роли иванов, не помня-

щих родства. Естественный долг старшего поколения — передать творческое наследие, сохранив историческую память. Именно это служит залогом преемственности научной школы. На то же основание в конечном счёте опирается научная культура в целом.

Коль скоро мы взялись за такую задачу, имеет смысл очертить основные особенности нашего объекта. Прежде всего обратимся к тому, каким образом можно оценить нынешнюю степень зрелости латиноамериканистики как регионоведческой ветви современного обществоведения. Думаю, есть основания констатировать, во-первых, её широкую *репрезентативность*, принимая во внимание наличие исследовательских центров нашего профиля в семи десятках стран за пределами латиноамериканского региона. Во-вторых, налицо богатый *научный задел*, выражающийся в библиографии, насчитывающей в общемировом зачёте уже десятки тысяч наименований в монографических изданиях и тематических сборниках. Отечественный книжный список уже превосходит тысячу наименований, не говоря о множестве статей в научной периодике.

¹ Статья перепечатывается из журнала “Латинская Америка” (2019. № 7. С. 8–28).

ДАВЫДОВ Владимир Михайлович — член-корреспондент РАН, научный руководитель ИЛА РАН, заведующий кафедрой экономического факультета РУДН, президент Ассоциации исследователей ибероамериканского мира.

Теперь о месте латиноамериканистики в системе общественных и гуманитарных наук. Речь, разумеется, идёт о принадлежности, которая очерчена кругом проблематики международного сообщества в целом. В последнее время в мировой научной и образовательной практике устоялось вполне логичное деление на три ветви: глобальная (общемировая) проблематика (*global studies, estudios globales*), региональная, изучающая отдельные макрорегионы современного мира (*area studies, estudios regionales*), и, наконец, страноведческая, относящаяся к национально-государственной конкретике и специфике (*country case studies, estudios por países*). Таким образом, латиноамериканистика, с одной стороны, занимает некое *срединное положение*, будучи разновидностью регионоведения, а с другой стороны, опускаясь в конкретную национальную среду, питает соками первичного знания оба вышестоящих “этажа”. Но, понятно, на практике нет и не может быть жёстких границ между ветвями изучения мирового древа. Регионоведческая и страноведческая проблематика адекватно воспринимается и адекватно познаётся лишь в соотношении с процессами общемирового порядка.

Далее, нужно напомнить о *многодисциплинарном* характере латиноамериканистики, как, впрочем, и любой другой области систематического изучения макрорегионов современного мира. Многодисциплинарна она по одной простой причине — постольку, поскольку наша исследовательская работа ведётся средствами различных инструментальных наук, в первую очередь, конечно, политологии, экономической науки, социологии, культурологии и истории. Но если имеется их сумма, то она превращается в механизм многостороннего познания существующих реалий, когда исследовательская работа переходит в фазу *междисциплинарности*, то есть синтеза дисциплин. В наше время именно такая метаморфоза обнаруживает наиболее плодотворную перспективу научного анализа. Как говорится, именно тогда рождается синергия. И на этом фоне совершенно абсурдными, контрпродуктивными выглядят многочисленные перегородки, которыми ВАК, увы, отделил смежные или родственные научные специальности друг от друга, фактически поставив под запрет действительно междисциплинарные исследования на диссертационной почве. Остаётся надеяться, что когда-нибудь бюрократия всё же образумится.

Поставив амбициозную задачу отразить современное состояние отечественной латиноамериканистики (с учётом предпосылок и оценок перспективы) в общем контексте мировой латиноамериканистики, я отдаю себе отчёт в трудности её выполнения в формате одной журнальной статьи. Поэтому нужно предупредить читателя: речь пойдёт о наиболее видимых достижениях и ориенти-

рах, а также о пробелах или отклонениях от адекватной картины региональной действительности.

ИСТОКИ

Вспоминая об идейно-теоретических истоках отечественной латиноамериканистики, мы не можем ограничиваться ссылкой только на марксистское наследие, безусловно, мощное и до сих пор влиятельное. Наряду с признанием его доминирования (обязательного и обязывающего) в прошлом, несмотря на интенсивную его диффамацию сегодня, мы должны согласиться, что вольно или невольно, прямо либо косвенно мы усваивали и то, что шло от объекта исследования. Мы неизбежно попадали под воздействие мировосприятия, выраставшего из школы Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), мировосприятия, доминировавшего в обществоведческой практике региона с конца 40-х годов минувшего столетия. В 1960—1970-е годы на нашем восприятии латиноамериканской проблематики сказывались построения депендентизма, а затем и сторонников миросистемной теории. И, разумеется, мы (советские и российские латиноамериканисты) не были исключением на общем фоне. Аналогичное влияние, конечно же, не могло не сказываться на мышлении наших зарубежных коллег за пределами Латино-Карибской Америки (ЛКА).

Говоря о более отдалённых истоках, мы обязаны вспомнить ещё о ситуации 20-х и 30-х годов прошедшего века. И если речь идёт о нашей стране (хотя не только), то не обойтись без упоминания того следа, который оставил Коминтерн, его аналитические и образовательные структуры. Тем более что в нынешнем году отмечается столетие его основания, а среди латиноамериканистов современного поколения плодотворно работают авторитетные специалисты по тематике воздействия Коминтерна на политическую жизнь изучаемых нами стран [1, 2]. Среди них наши петербургские коллеги Л.С. Хейфец и В.Л. Хейфец.

Многие стереотипы восприятия региона довоенной поры перекочевали в послевоенную научную среду Москвы и Ленинграда, часто помогая выдавать желаемое за действительное. Однако формирование латиноамериканистики как определённой сферы систематической исследовательской работы, имеющей не только общий объект, но и некий общий идейный знаменатель, не было отгорожено железным занавесом. Вместе с тем в последнем случае бессмысленно говорить о некоем миксе. В советские времена общим знаменателем служил, конечно, официальный марксизм-ленинизм, приправленный откровениями отчётного доклада очередного партийного съезда. Таким образом в наших писаниях звучали и догматы, и ритуальные констатации. Однако проявля-

ли себя и заметные отклонения от стереотипов. Ведь тогда приходилось и широкой аудитории, и нашим верхам доступно объяснять противоречивую латиноамериканскую действительность, которая часто не укладывалась в трафареты. Как тут не вспомнить А.Ф. Шульговского или К.Л. Майданика! Анатолий Федорович – талантливый интерпретатор ключевых моментов латиноамериканской истории в русле традиционного творческого марксизма. Кива Львович – неконформист в лоне советской политологии (де-факто), нарушитель академического спокойствия с апелляцией к воззрениям неортодоксального левого марксизма.

Впрочем, отечественной латиноамериканистике вообще повезло с яркими именами ведущих протагонистов. Среди них, несомненно, – М.С. Альперович, В.В. Вольский, А.Н. Глинкин, И.Р. Григулевич, В.Б. Земсков, Л.Л. Клочковский, Б.И. Коваль, Е.А. Косарев, В.А. Кузьмищев, Н.М. Лавров, Н.С. Леонов, Я.Г. Машбиц, С.И. Семёнов, А.И. Строганов, И.А. Тертерян, И.К. Шереметьев... Увы, по достоинству оценить творческий вклад всех и каждого в одной статье нереально. Но эта оценка все же звучала и, уверен, ещё неоднократно прозвучит в публикациях нового поколения латиноамериканистов.

Однако вопрос общего знаменателя может быть нами поставлен не только относительно отечественной, но и применительно к мировой латиноамериканистике. Разумеется, не в смысле построения некой “железобетонной” идейно-теоретической платформы, а с точки зрения неизбежного воздействия объекта исследований на субъекты исследовательской работы. А латиноамериканские реалии, атмосфера, преобладавшая в обществоведческой среде своего времени (от 1960-х до середины 1980-х годов), не давали плодородной почвы для гегемонии мейнстрима, варьируясь в обширном диапазоне.

В освоении широкой гаммы теоретических построений, которые заявили о себе в ЛКА с начала 1950-х до начала 1970-х годов на почве трактовки региональной специфики общественного развития, первенствовал А.В. Шестопал [3, 4]. Первенствовал, разумеется, в соответствии с законами жанра по стандартам своего времени – марксистской критики “буржуазной науки”. На первом этапе ему удалось охарактеризовать те воззрения, которые относятся в основном к широкому спектру национал-реформистских построений. На втором внимание акцентировалось на леворадикальных течениях обществоведения. В результате был проработан обширный пласт концептуального мышления наших визави в регионе. И это стало благодатным достоянием первых поколений советских латиноамериканистов. Очередная ступень – коллективная монография сотрудников ИЛА о вариациях националистических об-

ществоведческих концепций и через несколько лет книга, рассматривающая основные идеологические веяния в ЛКА (обе под редакцией А.Ф. Шульговского) [5, 6]. В дальнейшем – к концу 1980-х – началу 1990-х годов – научный интерес сместился к интерпретациям особенностей развития капитализма. В их осмыслении участвовал и автор этой статьи [7]. А затем в критико-аналитическом жанре прозвучала монография Л.С. Окуневой, посвящённая течениям политической мысли в Бразилии [8]. Казалось, цикл многолетнего обозрения ключевых концепций и взглядов (включая современные трактовки) на характер общественного развития в странах региона закрывается недавней статьёй В.И. Добренкова и А.И. Кравченко [9]. Однако, увы, нельзя сказать, что авторам удался финальный аккорд в деле обобщения концептуальных откровений обществоведческой литературы в ЛКА. Интерес читателя, пробуждённый авансом, прозвучавшим в названии их статьи, остался неудовлетворённым.

Похоже, объяснение связано с тем, что в последние годы рассматриваемый жанр в латиноамериканистике, к сожалению, оскудел, рассыпавшись на теоретические (или претендующие на таковые) очерки в тех или иных диссертациях по диссертационным же сюжетам. Анализ теоретических концепций, изучение движения обществоведческой мысли во многом потеряли самостоятельное значение. Между тем очевидно, что потребность в них растёт с расчётом на выявление полезного для нас конструктива и плодотворный диалог, предотвращающий теоретический застой. Сегодня принципиально важно, что критика при всём прочем обязана сохраняться, однако критиканство должно уйти из нашего обихода.

Для латиноамериканистики (отечественной и мировой) 1970-е годы можно считать достаточно продуктивным десятилетием. К тому времени во многих европейских странах (на западе и востоке) и в США *латиноамериканистика в основном сложилась институционально*. Первые центры и/или институты, специализировавшиеся на латиноамериканской проблематике, возникли ещё в 1950-е годы (как, например, Институт высших исследований Латинской Америки при Сорбонне). Однако преимущественно их рождение относилось к 1960-м и, с запозданием, к 1970-м годам. С того же времени стартуют и международные форумы латиноамериканистов [10].

Основание ИЛА (первоначально на платформе АН СССР) состоялось в 1961 г., очевидным образом простимулированное революцией на Кубе и её геополитической переориентацией на союзничество социалистических государств. Восемь лет спустя институт обрёл свой печатный орган – сначала двухмесячный, а затем ежемесячный журнал, который стал носителем и популяризатором

ром профессиональных знаний о нашем регионе, а кроме того, умелым объединителем сообщества латиноамериканистов. Возглавивший журнал С.А. Микоян превратил его в интеллектуальный клуб, инициировал и энергично продвигал новые темы, приветствовал нестандартную постановку теоретических вопросов. Считаю большой удачей для себя работу в редакции журнала под руководством Серго Анастасовича.

Начало деятельности Международной федерации исследований по Латинской Америке и Карибам (*Federación Internacional de Estudios sobre América Latina y el Caribe – FIEALC*) было положено симпозиумом 1978 г. Одновременно инициаторы озаботились формированием Латиноамериканского общества исследований Латинской Америки и Карибов (*Sociedad Latinoamericana de Estudios sobre América Latina y el Caribe – SOLAR*). Но официальное учреждение обоих произошло позднее, в 1982 г. Неоспоримым лидером FIEALC стал Леопольдо Сеа – всемирно известный мексиканский социолог, ученик испанского философа Хосе Гаоса, который, в свою очередь, вышел из круга Х. Ортега-и-Гассета. SOLAR с момента его создания возглавил бразилец Дарси Рибейро – крупный социолог, внёсший большой вклад в разработку проблематики цивилизационной детерминации и цивилизационного своеобразия латиноамериканских обществ. Оба объединения дистанцировались от Ассоциации латиноамериканских исследований (*Latin American Studies Association – LASA*), представлявшей в основном североамериканские школы латиноамериканистики. Время от времени отчуждение преодолевалось на личном уровне, но дистанцирование, заданное Л. Сеа и его соратниками, долго сохранялось.

Маэстро Сеа или, как его предпочитали величать коллеги, Дон Леопольдо вынашивал и последовательно реализовывал поистине стратегический план масштабной диффузии латиноамериканистики. В Национальном автономном университете Мексики (*Universidad Nacional Autónoma de México – UNAM*) он создал, с одной стороны, центр латиноамериканистики с международной проекцией (*CICIDEL*), призванный осуществлять координационную деятельность в рамках FIEALC, а с другой – интернациональную школу, собрав аспирантов и стажёров из разных государств, которые впоследствии стали лидерами латиноамериканистики в своих странах и, можно сказать, в общемировом контексте. Среди них – Цви Медин (Израиль), Эуфемия Павлакис (Греция), Риккардо Кампа (Италия), Орасио Серрути (Аргентина), Адальберто Сантана (Мексика). Одно время к этому кругу примыкал и Анджей Дембич (Польша), позднее отдавший предпочтение самостоятельной роли в мировой латиноамериканистике на европейской платфор-

ме. Все они поочерёдно принимали эстафету организации конгрессов FIEALC.

Более ранним появлением отличается объединение европейских латиноамериканистов – Европейский совет обществоведческих исследований по Латинской Америке (*Consejo Europeo de Investigaciones Sociales de América Latina – CEISAL*). Временем его основания считается 1971 г. У колыбели CEISAL стояли Пьеранжело Каталано (Италия), Анри Фавр и Ромэн Геньяр (Франция), Гарри Блемор (Великобритания), Киис ден Боер (Нидерланды), Магнус Молнер (Швеция), Луш Мерси Вега (Швейцария) и Ганс Альберт Штегер (ФРГ). Их интеллектуальный и политический настрой сформировался под влиянием протестной волны 1968 г. Отсюда шло их стремление к преодолению разделительных линий в Европе. И эта принципиальная позиция обусловила в последующем подключение к CEISAL латиноамериканистов из ИЛА, которых представлял А.Д. Бекаревич – кубиновец, работавший в 1980-е годы заместителем директора ИЛА.

Весомый след и добрую память в истории латиноамериканистики оставил Институт евро-латиноамериканских отношений при Европарламенте (*Instituto de Relaciones Euro-Latinoamericanas – IRELA*), функционировавший в Мадриде. Его основателем и руководителем в 1990-е годы был авторитетный немецкий латиноамериканист Вольф Грабендорф, известный прежде всего своими трудами в области международной безопасности и в целом проблематики международных отношений применительно к латиноамериканскому региону. IRELA добился впечатляющих результатов, опубликовав серию фундаментальных изданий по актуальным проблемам развития ЛКА и вопросам сотрудничества стран региона с объединением европейских государств, реализовав ряд международных исследовательских проектов по той же тематике. Нападки брюссельской бюрократии на деятельность института, фактически политически мотивированные в связи с социал-демократической приверженностью В. Грабендорфа, привели, увы, к его смещению, а затем и к ликвидации IRELA. Сам же В. Грабендорф продолжал активную работу на ниве латиноамериканистики в качестве представителя Фонда Эберта в Чили и Колумбии, а в последнее время в роли приглашённого профессора Андского университета в Эквадоре.

Серьёзную роль в общественведении стран ЛКА играют Латиноамериканский совет по общественным наукам (*Consejo Latinoamericano para las Ciencias Sociales – CLACSO*) и Латиноамериканский факультет по общественным наукам (*Facultad Latinoamericana para las Ciencias Sociales – CLACSO*). Первая организация возникла в 1967 г. и ныне включает 668 научных и университетских

центров из 51 страны, что означает выход на широкий международный простор далеко за пределами своего региона. CLACSO использует сеть членских организаций для налаживания исследовательской кооперации специалистов разных стран. Кроме того, она нацелена на сочленение общественной науки, её аналитических и концептуальных достижений с государственной практикой, реальной политикой. Имеет статус ассоциированной организации при ЮНЕСКО. FLACSO возник на десятилетие раньше — в 1957 г. Образован представительством 18 государств региона и осуществляет научную работу в 15 странах, сочетая исследовательскую практику с подготовкой кадров высшей квалификации в области общественных наук, занимается издательской деятельностью.

Подводя итог первому этапу становления нашего сектора науки, можно констатировать, что отечественная латиноамериканистика прошла немалый путь. 1950–1960-е годы отмечены уточнением диагноза того, что ассоциировалось с национально-освободительным и антиимпериалистическим движением. Так отдавалась дань идеологическим установкам сверху. Казалось бы, оставалось подверстать латиноамериканскую конкретику под начальные схемы. Но такой механизм действовал не всегда, оставляя ниши для творческого подхода.

Выступая в самом первом номере журнала, член-корреспондент АН СССР В.В. Вольский, многолетний директор нашего института, с удовлетворением оценил сложившийся к тому времени задел: «Советская латиноамериканистика, — отмечал он, — одна из самых молодых отраслей общественных наук в нашей стране, достигла в последнее время значительного развития». Причину В.В. Вольский связывал с созданием в системе Академии наук СССР Института Латинской Америки, что «позволило значительно расширить круг рассматриваемых тем, заложить основу для комплексного изучения Латинской Америки» [11, с. 106, 107]. Пользуясь случаем, хотелось бы отдать должное памяти этого маститого учёного. Ему принадлежала ключевая роль в становлении (научном и институциональном) отечественной латиноамериканистики, в формировании её международных связей. Своим нынешним потенциалом, уникальными библиотечными фондами, самой научной школой институт во многом обязан ему, его усилиям на протяжении четверти века — во время его директорства, начиная с 1964 г.

Сегодня мы не вправе обойти вниманием тот определяющий факт, что Кубинская революция стала мощным импульсом для научного осмысления латиноамериканской действительности. После неё в обществоведческую трактовку начали

вноситься коррективы, повышая оценки «революционной зрелости» стран региона. Вполне логично, что в этом контексте советские латиноамериканисты взялись за изучение степени и характера развития капитализма в странах региона. А это, в свою очередь, подтолкнуло к углублённому изучению социальной структуры латиноамериканских обществ, которое в ИЛА масштабно проводилось под руководством А.Ф. Шульговского. В то время доминировали взгляды, отдававшие приоритет категориям зависимости и отсталости. Отсюда выводилась концепция зависимого капитализма, которой придерживались В.В. Вольский, И.К. Шереметьев, Л.Л. Ключковский и их коллеги из числа экономистов ИЛА. В полемику с ними вступили её критики — те, кто считал, что Латинская Америка переросла качество «зависимого капитализма» и её теперь следует характеризовать с позиций «среднеразвитого капитализма». На этом настаивали В.Л. Шейнис и его коллеги по ИМЭМО. Были и те (и среди них автор этой статьи), кто апеллировал к многовариантности развития стран региона, к тому, что на практике существенные различия в уровне экономического и социального развития отдельных государств региона могут означать преобладание признаков либо первой, либо второй ситуации [12].

Переход из советского в российское время болезненно проявил себя в отечественной науке, не исключая, разумеется, и латиноамериканистику. Как и следовало ожидать, в процессе пресловутой «деидеологизации» усилился крен в прагматику, эмпирический анализ. Правда, значительно расширился тематический диапазон исследований. Вместе с тем восторжествовала методологическая эклектика. В моду вошла компаративистика, которая реагировала на сближение проблематики развития в российской практике и латиноамериканских реалиях. В обстановке резкого сокращения финансирования науки, падения социального статуса учёных, воцарившейся неуверенности в завтрашнем дне происходило неизбежное ослабление публикационной активности. Адаптация к новым условиям достигалась медленно и трудно, фактически затянувшись на полтора десятилетия.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Авансируя разговор о современном состоянии латиноамериканистики, мы констатируем её отнесенность к зрелости (и на общемировом фоне, и применительно к отечественной школе). Это не значит, что мы, во-первых, недооцениваем относительность этой зрелости, а во-вторых, не видим ещё непреодоленных слабостей анализа и изъянов в нашем исследовании латиноамериканской действительности.

Принципиально важно то, что современная латиноамериканистика серьёзно продвинулась в освоении глобальной проблематики, имея в виду отражение общемировых процессов в тенденциях развития на региональном и национальном уровнях. В недрах современной латиноамериканистики прозвучали тезисы об асимметричности глобализации, о том, что у неё нет однозначного тренда лишь в сторону унификации экономического и социально-политического пространства. Латиноамериканистика признала возможность и объективность торможения глобализации, а на ряде направлений даже движения вспять. Об этом разработки боливийского учёного и известного политического деятеля Альваро Гарсиа Линеры. В Москве на это отреагировали с пониманием предложенных аргументов [13].

Отечественная латиноамериканистика своевременно обратилась к арсеналу *цивилизационного подхода* (цивилиографии), плодотворно применив его к особенностям эволюции социально-экономических и социокультурных структур в регионе. В 1990-е годы новаторски прозвучала концепция “пограничной цивилизации” [14, 15]. Затем было обосновано предложение трактовать многовариантность развития латиноамериканских стран с опорой на категорию цивилизационной матрицы [16].

На финале советского времени в ИЛА в работе над долгосрочными прогнозами социально-экономического развития обратились к достижениям длинноволновой теории, к тому, что в конечном счёте реализовалось в концепциях *макроциклической динамики*. Заслуживает особого внимания фундаментальный труд А.В. Бобровникова о цикличности в развитии латиноамериканских экономик [17]. Во-первых, на вековом статистическом материале им было показано и доказано проявление в экономиках ЛКА *длинноволновых перепадов* определённой регулярности. Во-вторых, оценены и охарактеризованы особенности их осуществления в регионе, включая фазовое запаздывание.

Российские латиноамериканисты были среди инициаторов изучения последствий неравномерности мирового развития, усилившейся на рубеже двух веков [18]. Была обоснована объективность появления клуба “восходящих гигантов”. Обращаясь к перспективам перехода к полицентричности, российские латиноамериканисты оценивали шансы вхождения ведущих государств региона в группу новых центров силы и влияния [19].

Рассматривая тему *полицентричности* применительно к сегодняшней конъюнктуре, следует, с одной стороны, признать недооценку нами потенциала противодействия восхождению альтернативных центров “коллективного Запада” и переоценку нашего собственного потенциала. С

другой стороны, мы слишком однозначно воспринимали содержание полицентричности и движение к ней. Речь ведь идёт не только о доминирующих центрах (старых и новых), но и о своего рода субцентрах, региональных державах. Иными словами, речь должна и может идти о своего рода *диверсификации* ведущих протагонистов мировой экономики и мировой политики. Возникновение иерархизированных (эшелонированных) противовесов расширяет диапазон манёвра для малых и средних государств. Правда, иногда этому может препятствовать блоковая структура. Кстати, нынешняя политика Вашингтона, персонифицированная Дональдом Трампом, направлена как раз на то, чтобы перекрыть возможности для реализации шансов маневрирования.

Вполне объяснимо переключение внимания российских латиноамериканистов на *опыт нелиберальных реформ* в странах региона, раньше нас вступивших в этот трансформационный процесс. И 1990-е годы демонстрируют обильную библиографию по указанной проблематике. Впрочем, интерпретация экономических и социальных реформ 1980–1990-х годов – столь же обязательная тема наших зарубежных коллег на исходе века. Но, разумеется, в ином ракурсе по сравнению с установками российских исследователей. Работа наших зарубежных коллег была нацелена на оценку эффекта, определение издержек и адекватности преобразований национальным условиям конкретных стран. Из подобных разработок вытекали обобщающие трактовки – о *реформах двух поколений*. Первое поколение – преобразования, направленные прежде всего на первичную макроэкономическую стабилизацию, либерализацию (дерегулирование) и приватизацию, второе – на структурную перестройку экономики, адаптацию государства и бизнеса к новым “правилам игры”.

При этом и у нас, и за рубежом произошла своего рода *мистификация* “вашингтонского консенсуса”, который во многих случаях подавался почти что как демиург имперской глобализации. Настолько впечатлил этот образ, это расхожее клише, что все просто забыли о его действительном происхождении. А оно изначально было связано с работой периодического семинара, созывавшегося Джоном Вильямсоном, английским экономистом, осевшим в США, и Педро Пабло Кучинским – перуанским экономистом, впоследствии ставшим президентом Перу, претерпевшим импичмент, а ныне находящимся под арестом, хотя и по мотивам, не имеющим отношения к пресловутому “консенсусу”. На дебаты в рамках вашингтонского семинара слетались “яйцеголовые” из многих стран континента. Они задалась целью по итогам дебатов и критического анализа практики “ajuste” (экспериментирова-

ния с различными вариантами выправления экономического механизма, предпринимавшимися в странах ЛКА на протяжении 1980-х годов) сформулировать некую рецептуру развития применительно к изменившимся условиям глобального и регионального порядка. И такой итоговый рецепт, состоявший из десятка рекомендаций, в основе которых оказались дерегулирование экономики и приватизация госактивов, был представлен на очередной встрече в Вашингтоне в 1989 г. [20].

Последнее десятилетие было, несомненно, плодотворным для экономистов ИЛА. Им удалось освоить причины и последствия в ЛКА глобального экономического кризиса 2008–2009 гг., практику экономической модернизации последнего времени, продвижение по пути формирования в странах ЛКА современной кредитно-банковской сферы, начала перехода на инновационный путь развития, опыт участия латиноамериканских стран в системе ВТО [21–26].

Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) назвала 1980-е годы “потерянным десятилетием”. И это соответствует действительности, принимая в расчёт исчерпанность модели импортзамещающей индустриализации, издержки затяжного кризиса внешних расчётов (долгового кризиса), общее расстройство системы экономического воспроизводства, неудачи политики “ajuste”, соответствующую практику проб и ошибок и т.д. Тем не менее указанная формула игнорировала креативный политический процесс того же времени, связанный с демонтажом авторитарных структур и диктаторских режимов, утверждением институтов электорального представительства в большинстве латиноамериканских и карибских государств. И этот процесс стал объектом пристального внимания для многих российских и зарубежных политологов. Осуществление *демократического транзита*, превратности соответствующей институциональной перестройки, освоение электоральных процедур – всё это получило широкое освещение в научной литературе и зарубежными, и российскими латиноамериканистами. Итогом разработки этой проблематики в ИЛА РАН стали монографические издания, выпущенные коллективом Центра политических исследований под руководством М.Л. Чумаковой и З.В. Ивановского [27–29].

В политологической фракции латиноамериканистов время “левого поворота” в регионе (или “левого дрейфа”) не могло не привести к соответствующему развороту в публикационной активности. С одной стороны, в большинстве случаев признано, что этот феномен во многом объясняется превышением порога терпимости низов, а также части средних слоёв относительно завы-

шенных социальных издержек в ходе неолиберальных экспериментов. С другой стороны, признана способность левой политической культуры к циклическому воспроизводству, что произошло удивительно синхронно и вполне объективно после глубокой фрустрации 1990-х годов в силу потери советского ориентира [30, 31]. Немало копий сломано в полемике по поводу реального смысла и реального значения концепции “социализма XXI века”. Её сторонники твёрдо держались в полемике с праволиберальными критиками, но их в конечном счёте подвела собственная практика нахождения у кормила власти.

Весомы результаты в изучении *проблематики безопасности*. Здесь есть все основания говорить о позитивной повестке в практике международной деятельности латиноамериканских и карибских государств. Публикации профессора Б.Ф. Мартынова и его коллег по политологическому цеху констатировали переговорную дееспособность и дипломатическую культуру государств региона в подходах к урегулированию межстрановых конфликтов, в поиске согласованных решений мировых проблем. Иными словами, было заявлено и доказано, что страны ЛКА обладают немалым креативным потенциалом позитивного воздействия и на общемировую, и на собственно внутрирегиональную повестку [32]. К вышеуказанной проблематике примыкает эволюция межамериканской системы. Внимание специалистов ИЛА РАН традиционно привлекалось к тому, каким образом изменение роли и веса США влияет на содержание их отношений с латиноамериканскими соседями. Похоже, время макропроектов, амбициозных доктрин в латиноамериканской политике Вашингтона прошло. Налицо её прагматическое “заземление”. Как подчёркивал профессор В.П. Сударев, попытка развернуться к региону и его ожиданиям на финале мандата Барака Обамы не могла перекрыть дефицит конструктивного сотрудничества на протяжении нескольких десятилетий [33, 34].

На этом фоне вполне объяснимо переключение внимания латиноамериканцев на позиционирование других ключевых протагонистов. Речь, разумеется, должна идти о роли Евросоюза [35], внушительно представляемого в регионе Испанией, о всё более весомом китайском факторе и восходящем тренде в присутствии России и Индии, а также – в последние годы – Турции и Ирана, наведение мостов в страны арабского мира и Юго-Восточной Азии. Короче говоря, практика всё больше указывала на *прогрессирующую диверсификацию* внерегиональных связей стран ЛКА.

Казалось бы, в этих условиях проблематика *внутрирегионального сотрудничества* стала терять позиции в рейтинге научного внимания как в зарубежной, так и в отечественной латиноамерика-

нистике. Возобновление интереса следует связывать со временем “левого поворота”, когда на латиноамериканской авансцене прозвучали инициативы по созданию структур, нацеленных на активизацию регионального и субрегионального взаимодействия, усиление коллективной переговорной мощи, в частности, в контексте стремления к утверждению принципов мультилатерализма, который в известной мере воспринимался в ЛКА как синоним многополярности. Кризис интеграционных образований первого поколения и новообразований, относящихся ко времени “левого поворота”, сопровождался появлением антитезы “открытого регионализма”, противопоставляемого “закрытому” регионализму, что, казалось, соответствовало фазе интенсивной глобализации на мировом уровне [36–39].

Участие исторической науки, особо тесно связанной с преподавательской деятельностью, традиционно было масштабным, охватывая соответствующую тематику ведущих стран региона. Менее значительным представляется внимание к малым странам ЛКА со стороны авторов из самих этих стран и внерегиональных зарубежных исследователей. В отечественной латиноамериканистике особое место заняло завершение издания монументальной пятитомной истории стран региона и переход к углублённому рассмотрению тех государств, которые до сих пор оставались за бортом научного внимания [40–44].

Надо сказать, что *культурологическое поле* в зарубежной латиноамериканистике традиционно было много обширнее отечественного. Вместе с тем в нашем случае отрадно отметить постоянно нарастающий арсенал профессиональных знаний в русле изучения основных творческих жанров, что в итоге создавало основу для крупных обобщений, ведущих к пониманию этапности, содержания культурогенеза, эффекта региональной общности и проявлений национальной специфики. Осью исследований культурологов ИЛА РАН, руководимых ныне Н.С. Константиновой, стала разработка темы креативного присутствия культуры в феномене национальной идентичности, её обусловленности всем контекстом развития национальной и в целом латиноамериканской культуры, её общерегиональным синтезом [45, 46].

Особо значимый компонент культурогенеза — литературный процесс, давший мощные всходы в странах ЛКА и оказавший за последний век заметное воздействие на мировую культуру. Именно он чаще всего попадает в фокус внимания исследователей-латиноамериканистов в самом широком географическом диапазоне — от Греции до Норвегии или даже Марокко. Наши литературоведы находятся в авангарде исследований своего профиля, издавая фундаментальные труды по истории латиноамериканских литератур и опираясь

при этом на методологию цивилизационного подхода, позволяющего увидеть и обрисовать поле духовной самобытности латиноамериканских литератур [47–49].

В практике построения исследовательских центров латиноамериканистики разного типа и разной ведомственной принадлежности встречаются два варианта географического расширения сферы действия. В одном случае латиноамериканистика сопрягается с американистикой. Так произошло с парижским институтом, который вошёл в состав объединённого Института Америк при сохранении оперативной самостоятельности. На этот путь его вывел прежний директор, а ныне министр образования в правительстве Макрона Жан-Мишель Бланке. В нашем случае мы пошли “*ибероамериканским курсом*”, распространив профессиональные интересы на Испанию и Португалию. Логика очевидна: во-первых, ибероамериканское сообщество с активным (и можно сказать инициативным) участием Испании и Португалии превратилось в значимый фактор современных международных отношений, во-вторых, оба иберийских государства служат своего рода соединительным мостом в отношениях Евросоюза и ЛКА, в-третьих, иберийский компонент — весомая (можно сказать системообразующая) часть цивилизационного облика латиноамериканских обществ. Наконец, сугубо конкретное обстоятельство — наличие в ИЛА кадров, профессионально подготовленных для аналитической работы по проблематике Испании и Португалии. Центр иберийских исследований, действующий под руководством П.П. Яковлева второе десятилетие, акцентировал внимание на опыте демократизации двух стран после десятилетий диктаторского правления, вхождения в интегрированную экономику Евросоюза, на особенностях устройства парламентарной монархии и “государства автономий” в Испании. Во многих публикациях сотрудников центра от дана дань компаративистике — сравнительному анализу проблематики развития иберийских стран и современной России. И делается это на двусторонней основе, имея в виду ежегодный российско-испанский симпозиум, который проводится попеременно в нашей стране и Испании.

Наконец, мы вправе констатировать постоянный мониторинг и систематичность проведения аналитической разработки разнообразной тематики *российско-латиноамериканских отношений*. Библиография по этой тематике традиционно обширна в периодической печати. Отдельными изданиями эта тематика представлена в страновой аналитической серии “Саммит”, выпускаемой нашим институтом последние полтора десятилетия.

НОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ

Сегодня вполне очевидно, что проблематика наших исследований связана прежде всего со всеобщим процессом втягивания мирового сообщества в беспрецедентный (по глубине и охвату) переход, ведущий к смене самой парадигмы и даже кода развития, к иному режиму воспроизводства экономики, общества и международных отношений. Тематика и жанры наших исследований могут различаться, но учёт соответствующего глобального эффекта (в его региональном ракурсе) в любом случае обязателен и, пожалуй, неизбежен.

Усложнение общей картины мира и региона, конечно, потребует внимания к соответствующим глобализационным процессам, но не только к однонаправленным, но и к тем, которые способны вызвать торможение либо даже движение вспять, что уже сказалось на сегодняшней политике североамериканского гегемона, вызвав цепную реакцию протекционизма в других ипостасях и резко осложнив ситуацию на мировом рынке.

Исследования, начатые в ИЛА РАН при подготовке и издании коллективной монографии, посвящённой старту инновационной практики в странах ЛКА, должны приобрести больший масштаб и дополнительный импульс, ориентируясь на технологический императив глобального перехода. Специфика постановки вопросов по этой теме связана прежде всего с осмыслением в ЛКА содержания задач по реализации системного перехода. Ведь по существу речь в данном случае идёт о *переходе в переходе*, о необходимости преобразования укладов новой и прежней (доинформационной) эпохи параллельно и синхронно. И это заслуживает первостепенного внимания в нашей перспективной работе.

В быстроменяющемся геополитическом и политическом контексте региона стратегически (или просто жизненно) важно определить своего рода *общий знаменатель в приоритетах развития*, в ключевых ценностных ориентирах. И эта стержневая задача в условиях возросшего разброса политических предпочтений, спонтанной смены ориентиров массового сознания, наконец, в силу частных искажений в восприятии действительности в духе правоконсервативного популизма будет в ЛКА определять нынешнюю повестку и последующий ход исторического движения, а также возможность достижения сбалансированности действия основных факторов, с одной стороны, и основных общественно-политических сил — с другой.

В этом контексте всё большее признание получает *идея устойчивого развития* [50], но теперь уже не в традиционном понимании — в рамках отношения человека и природы, а в широкой трактовке, охватывающей сферу экономики, общества, культуры (также в широком смысле) и международного сотрудничества. И это именно то, что

может обеспечить прогрессирующее продвижение к поиску консенсуса с минимизацией деструктивных последствий конфронтации. А применительно к самой латиноамериканистике речь идёт о появлении новой концептуальной платформы углубления регионоведческих исследований. При этом опора на многодисциплинарность и междисциплинарность регионоведческого потенциала латиноамериканистики позволит выходить на комплексную разработку перспектив выхода стран региона на траекторию приоритетов устойчивого развития.

Как отмечалось выше, латиноамериканистика активно откликалась на постановку вопроса о смене биполярного миропорядка ситуацией *полицентричности*. События последних лет убеждают в том, что при сохранении обозначившейся тенденции нет однолинейного движения. Существуют отклонения, вызывающие её торможение либо изменения в повестке взаимодействия новых центров влияния. Как заметил один из наших индийских коллег Самир Сарах, представляющий Observer Foundation (один из известных мозговых центров своей страны), многополярность уже проявила себя на практике, но пока она ещё дисфункциональна. Значит ключевой вопрос в том, чтобы обеспечить её функциональное приложение.

Уместно напомнить ремарку члена-корреспондента РАН О.Н. Быкова, корифея изучения системы международных отношений. Ещё на старте проявления и изучения рассматриваемого феномена он подчёркивал: «Аргументы “за” или “против” многополюсности беспредметны. Нельзя рассматривать международные отношения как податливый материал, которому можно придать ту или иную желаемую форму. Структурное переустройство объективно обусловлено и мало зависит от субъективных политических установок и специфических интересов государств. Нравится или не нравится кому-то многополюсность, на сегодня и на обозримое будущее ей нет альтернативы» [51, с. 538].

Латиноамериканистика, несомненно, будет участвовать в разработке обозначенной темы. Ей есть что сказать по данному поводу не только потому, что в её ареале содержится соответствующий эмпирический материал (по крайней мере, в отношении Бразилии). Сегодня мы более отчётливо понимаем: нельзя представлять феномен наступления полицентричности односложно — лишь как расширение круга доминирующих центров либо как замещение одних центров другими на олимпе глобального регулирования. Практика последних лет указывает на то, что перемещения на “верхних этажах” провоцируют цепные реакции по всей вертикали мировой иерархии, меняя ролевые функции и вовлекая в детерминацию мирового расклада те субъекты, которые не отно-

сятся к категории первой величины. Среди них весомо присутствуют региональные державы. Вместе с тем перестановка, перегруппировка порой существенно увеличивает диапазон манёвра на мировой арене даже для малых государств, выбирающих альтернативные варианты международного сотрудничества. Тем больше шансов у государств, которые попадают в магнитное поле ключевых глобальных процессов либо в осевую полосу противоборства и соперничества основных центров силы.

Политологам, работающим на ниве латиноамериканистики, предстоит *сменить пластинку право-левой дихотомии* и оперировать гораздо более тонким инструментом, улавливающим расклад политических сил и веяний по другим осям. По существу, требуется картина в формате 3D, то есть в трёх измерениях, а значит объёмная, а не плоская. По-видимому, в первом приближении дополнения могут откладываться по шкале авторитаризм – либерализм, а также национализм – интернационализм.

Отходя от интерпретации демократического транзита и прихода к осмыслению превратностей утверждения и вызревания демократической институциональности, мы не должны пренебрегать дефинициями, хорошо понимаемыми латиноамериканцами, но пока слабо воспринимаемыми русским ухом. Речь о различиях, вкладываемых в понятия “*dictadura*” и “*dictablanda*”. Наконец, технологии институционального действия в новых условиях, причём при возможности использовать мощные средства информационного влияния, ведут к тому феномену, который в странах ЛКА начали именовать “демокрадурой”, то есть системой власти, при которой под прикрытием демократических процедур (часто с опорой на конституционные нормы) осуществляются авторитарные либо волевые политически мотивированные решения, либо действия, направленные на политическое уничтожение оппонентов. Впрочем, такая метода сегодня широко опробована и в сфере бизнеса. Неслучайно юридические департаменты или подразделения крупных корпораций, отвечающие за лоббирование и, откровенно говоря, коммерческий шпионаж, сегодня часто превосходят другие, традиционно ключевые структуры и по бюджетам, и по используемым кадрам. Всё это невозможно игнорировать и при политологическом анализе, и при изучении экономической практики, имея в виду то, что субъекты этой практики в странах ЛКА становятся жертвами “новой методы”. Обозначенная реальность прямо относится к эффекту “подспудных” процессов, которые рассмотрены выше. Адекватный учёт этих обстоятельств позволяет обеспечить и комплексность, и достоверность нашей диагностики.

Следует признать, что до сих пор латиноамериканистика в большинстве случаев уходила от серьёзного рассмотрения *институциональных аспектов* развития. И дело не только в трактовке институтов как таковых (государства, армии, церкви и т.п.). Негоже вслед за другими повторять расхожие тезисы о слабости институтов в ЛКА и о том, что отсюда проистекает имманентная отсталость [52]. Речь теперь должна идти о другом – о переносе политического противоборства и соперничества в институциональную среду, об императивах её модернизации, адаптации крайне инертного (до сих пор) института государства к условиям грядущего этапа, прежде всего к обществу оцифрованной экономики.

Говорят, новое – хорошо забытое старое. Полагаю, это имеет отношение и к упомянутому сюжету. На предыдущем этапе в латиноамериканистике уделялось большое внимание таким традиционным институтам, как армия и церковь. Существенно изменившийся общественный контекст однозначно ставит вопрос о новом прочтении этой тематики. Немало симптомов того, что вооружённые силы вновь принимают (или вынуждены принимать) роль арбитра при возникновении патовых ситуаций в отношениях противоборствующих сторон. Другой случай – вовлечение высшего офицерства в выполнение управленческих функций в гражданском секторе. Религиозная жизнь в наше время характеризуется отступлением католичества и активизацией протестантских церквей, прежде всего евангелистов, которые, как показывает недавний пример Мексики, Бразилии и Коста-Рики, решительно вступают на тропу политики.

Очевидно, придётся вернуться к теме *социальной стратификации*, в полной мере осознавая существенные изменения в структуре латиноамериканских обществ. Иногда представляется, что, отказываясь от классовой теории, мы с грязной водой выплеснули и ребёнка. Без понимания последних сдвигов в составе социума тщетны усилия по диагностике экономической и политической ситуации, тщетны прогностические построения долгосрочного порядка. В современном контексте изменение механизмов формирования правящих элит, появление в них новых фракций, меняющих внутреннее соотношение сил, – ключевая тема предстоящих исследований, помогающих понять причинно-следственные связи поведения власти или восходящих субъектов внутренней и внешней политики стран региона.

В отечественной латиноамериканистике практически отсутствует *гендерная тематика* и тема защиты прав сексуальных меньшинств, которые охватывают всё больший сегмент публикационной активности за рубежом, в общественных науках вообще и в латиноамериканистике в частно-

сти, в дискуссиях на международных конгрессах и симпозиумах. Можно воздерживаться от этой тематики принципиально, лишая её научного признания, но в любом случае такая позиция (вернее, отсутствие позиции) будет восприниматься как попытка спрятать голову в песок. Думаю, пора вынимать её из песка и понимать, что на самом деле под прикрытием толерантности и политкорректности происходит намеренное отвлечение внимания от социальных противоречий и переключение их на противоречия гендерные, на “героическую” защиту прав ЛГТБ сообщества. И это, увы, всё более характерно для представителей левого лагеря. Похоже они совершили фаустовскую сделку ещё в 1970-е годы, стремясь продемонстрировать свою “прогрессивность”. А тем временем сегодняшние правые, точнее, правые популисты идут в противоположном направлении, берут на вооружение защиту традиционных консервативных ценностей. И в этом всё чаще обнаруживаются совпадения с нашим официальным дискурсом.

Реагируя на смену демографических трендов в их этнорасовом распределении и на рост прецедентов выхода на политическую арену автохтонных народов, российские латиноамериканисты предпринимали разрозненные попытки изучения “индейского вопроса”. Перспектива событий в регионе с неизбежностью будет связана с воспроизводством индейского ренессанса в расширенном масштабе. Отсюда однозначно следует вывод о необходимости подключения к этой теме дополнительных сил и средств. При этом пора, наконец, отказаться от стереотипа “индейцы” применительно к десяткам этносов со своими языками, традициями, верованиями, среди которых мощные многомиллионные народы — кечуа, майя, аймара, гуарани. И вместе с тем придётся выйти из антропологического или этнологического круга, чтобы адекватно представить их современное бытие, специфику включения в общий социум, национальную экономику и даже в международные отношения.

Наверное, в дальнейшем нам не уйти от погружения в изучение “подспудных” процессов. Специалисты ИЛА РАН уже имеют немалый задел. И выше упомянут выход в свет монографии, посвящённой экспансии и транснационализации оргпреступности на латиноамериканской почве [53]. Но спектр подспудных процессов и факторов шире. Понимая, что “подспудные” процессы обретают всё большую способность корректировать процессы “надспудные” (формализованные и видимые), придётся обратиться на них систематическое внимание. Уж если мы хотим достоверности для нашего общего диагноза.

Как хорошо видно, в статье представлена картина развития латиноамериканистики в темати-

ческом ключе или же с позиции ориентации на ту или иную проблематику. В этом случае за рамками внимания остались страноведческие исследования, которые составляют весомую часть общего достояния современной латиноамериканистики. О её весе говорит библиография многих лет, по существу полувекковая. Но эта область нашей работы, да простят меня коллеги, плодотворно занимавшиеся страновой проблематикой, требует отдельного описания. Уверен, что и она найдёт своих профессиональных комментаторов в обозримой перспективе.

Полагаю, что на пути тематического и концептуального обновления латиноамериканистика сможет существенно нарастить свой вклад в совокупную копилку общественных наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хейфец Л.С., Хейфец В.Л. Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка. М.: Наука, 2018.
2. Хейфец Л.С., Хейфец В.Л. Коминтерн и Латинская Америка: люди, структуры, решения. М.: Политическая энциклопедия, 2019.
3. Шестопал А.В. Миражи Эльдorado в XX веке. Критические очерки буржуазной социологии в Латинской Америке. М.: Мысль, 1974
4. Шестопал А.В. Леворадикальная социология Латинской Америки. Критика основных концепций. М.: Мысль, 1981.
5. Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения / Отв. ред. А.Ф. Шульговский. М.: Наука; ИЛА АН СССР, 1976.
6. Современные идеологические течения в Латинской Америке / Отв. ред. А.Ф. Шульговский. М.: Наука, 1983.
7. Давыдов В.М. Латиноамериканская периферия мирового капитализма: Очерки социально-экономического развития. М.: Наука, 1991.
8. Окунева Л.С. Политическая мысль современной Бразилии: теории развития, модернизации, демократии. Феномен поставторитарного развития: опыт Бразилии и его значение для России. В 2-х томах. М.: ИЛА РАН, 1994.
9. Добренко В.И., Кравченко А.И. Латинская Америка: метрополия и периферия мировой социологии // Латинская Америка. 2018. № 5. С. 39–52.
10. Foro Mundial “El aporte de Latinoamérica al universo del siglo XXI”. Guia general. FIEALC-ILA de ACR. Moscú, 2001.
11. Анкета ЛА-69 // Латинская Америка. 1969. № 1. С. 106–108.
12. Как оценивать особенности и уровень развития капитализма в Латинской Америке? // Латинская Америка. 1979. № 1–2. С. 53–101.
13. Гарсиа Линера А. Глобализация мертва. Магистральная лекция А. Гарсиа Линеры на конгрессе FIEALC. Белград, 2017 // Латинская Америка. 2017. № 6. С. 28–32.

14. *Шемякин Я.Г.* Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука, 2001.
15. *Шемякин Я.Г.* И вновь о Латинской Америке, одновременно единой и многообразной // Латинская Америка. 2017. № 3. С. 5–14.
16. *Давыдов В.М.* Цивилиография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки. М.: ИЛА РАН, 2006.
17. *Бобровников А.В.* Макроциклы в экономике стран Латинской Америки. М.: ИЛА РАН, 2004.
18. *Давыдов В.М., Бобровников А.В.* Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении). М.: ИЛА РАН, 2009.
19. Россия в полицентричном мире / Под. ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: ИМЭМО РАН; Весь Мир, 2011.
20. *Давыдов В.М.* Эффект адаптационного реформирования. От Латинской Америки к России. М.: ИЛА РАН, 2003.
21. Латинская Америка на пути экономической модернизации / Отв. ред. Л.Н. Симонова. М.: ИЛА РАН, 2013.
22. Латино-Карибская Америка в контексте глобального кризиса / Отв. ред. В.М. Давыдов. М.: ИЛА РАН, 2012.
23. Интеграционные процессы в Латинской Америке: состояние и перспективы. Аналитические тетради ИЛА РАН. Вып. 22. М.: ИЛА РАН, 2012.
24. *Холодков Н.Н.* Латинская Америка: финансовая либерализация и перестройка национальных банковских систем. Итоги и проблемы. М.: ИЛА РАН, 2009.
25. Страны Латинской Америки и Карибского бассейна в ВТО / Отв. ред. Л.Л. Клочковский. М.: ИЛА РАН, 2008.
26. Возможности и пределы инновационного развития Латинской Америки / Отв. ред. Л.Н. Симонова. М.: ИЛА РАН, 2017.
27. Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама / Отв. ред. З.В. Ивановский. М.: ИЛА РАН, 2015.
28. *Ивановский З.В.* Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры. Справочник. М.: ИЛА РАН, 2014.
29. Латинская Америка: Испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2-х томах / Отв. ред. М.Л. Чумакова. М.: ИЛА РАН, 2009.
30. “Левый поворот” в Латинской Америке / Отв. ред. В.П. Сударев. М.: ИЛА РАН, 2007.
31. *Окунева Л.С.* “Левый поворот” и демократия в Латинской Америке // Международные процессы. 2009. № 1. С. 43–53.
32. Сила права или право силы / Отв. ред. Б.Ф. Мартынов. М.: ИЛА РАН, 2004.
33. *Сударев В.П.* Латинская Америка в геополитическом треугольнике США – Китай – ЕС // Латинская Америка. 2015. № 4. С. 4–13.
34. *Сударев В.П.* Вашингтон в поисках новых подходов к Латинской Америке // Международная жизнь. 2016. № 3. С. 47–57.
35. *Тайар В.М.* Евросоюз – Латинская Америка: контуры межрегионального партнёрства в XXI веке // Современная Европа. 2015. № 2. С. 72–84.
36. *Лавут А.А.* Выход США из Транстихоокеанского партнёрства и перспективы латиноамериканской региональной интеграции // Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов. М.: ИЛА РАН, 2017.
37. *Лавут А.А.* Региональное сотрудничество в области инновационного развития // Возможности и пределы инновационного развития. М.: ИЛА РАН, 2017.
38. *Разумовский Д.В.* Латиноамериканская интеграция выходит в мир. Перспективы для России // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 8. С. 82–91.
39. *Разумовский Д.В.* Торговое сотрудничество Латинской Америки с внерегиональными партнёрами // Латинская Америка. 2016. № 3. С. 5–21.
40. История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX в. / Отв. ред. Н.М. Лавров. М.: Наука, 1991.
41. История Латинской Америки. 70-е годы XIX в. – 1918 год / Отв. ред. Е.А. Ларин. М.: Наука, 1993.
42. История Латинской Америки. 1918–1945 / Отв. ред. Н.П. Калмыков. М.: Наука, 1999.
43. История Латинской Америки. Вторая половина XX века / Отв. ред. Е.А. Ларин. М.: Наука, 2004.
44. История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI–XIX веков / Отв. ред. Е.А. Ларин. М.: Наука, 2010.
45. Ибероамериканская культура: инновационные процессы и государственная культурная политика / Отв. ред. Н.С. Константинова. М.: ИЛА РАН, 2014.
46. Испания и Латинская Америка: динамика культурных процессов в конце XX – начале XXI веков / Отв. ред. Н.С. Константинова. М.: ИЛА РАН, 2011.
47. Iberica Americans. Механизмы культурообразования в Латинской Америке. Сборник статей / Отв. ред. В.Б. Земсков. М.: Наука, 1994.
48. *Гирин Ю.Н.* Поэтика сверхпределности: к интерпретации художественных процессов латиноамериканской культуры. СПб.: Алетейя, 2008.
49. *Кoffман А.Ф.* Латиноамериканский художественный образ мира. М.: Наследие, 1997.
50. Horizons 2030. Equality at the Centure of Sustainable Development. Thirty-sixth session of ECLAC. Mexico City, May 23–27, 2016.
51. *Быков О.Н.* Международные отношения. Трансформация глобальной структуры. М.: Наука, ИМЭМО РАН, 2003.
52. *Fukuyama F.F.* Falling Behind: Explaining the Development Gap between Latin America and the United States. N.Y.: Oxford University Press, 2008.
53. Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна / Отв. ред. Б.Ф. Мартынов. М.: ИЛА РАН; Весь Мир, 2017.